

УДК 008(091); 372.416.2

ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БУКВАРЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ОСОБЫЙ ВИД НАРРАТИВА

Д.М. Галуллина, кандидат исторических наук

С древнейших времен казанские татары ценили образованных людей. Система образования складывалась на протяжении столетий и имела определенные преимущества и недостатки. С утратой государственности появилась угроза потери основных достижений науки и культуры. В период «гонений ислама»¹ пострадало и школьное образование. Основные положительные перемены в жизни татарского населения произошли при правлении Екатерины II. Особенно в 1767 г., когда она посетила Казань. Одним из таких новшеств стало открытие в 1769 г. класса татарского языка в Первой казанской мужской гимназии². В 1789 г. такой же класс был открыт и в Первой астраханской мужской гимназии. Татарский язык с давних пор использовался русским правительством в дипломатических отношениях с восточными странами³.

Самым востребованным учебником в русских гимназиях был букварь. Одна из первых татарских азбук была напечатана в 1778 г. Сагитом Хальфиным, преподавателем татарского языка в Первой казанской мужской гимназии⁴. Тогда был дефицит учебных пособий. Ощущал недостаток учебных пособий и его внук Ибрагим Хальфин. Татарский язык рассматривался как один из переходных этапов в изучении восточных языков. Ибрагим Хальфин в 1804 г. опубликовал «Азбуку и этимологию татарского языка». Учебник давал возможность ознакомиться с турецким, арабским, персидским письмом⁵. А в 1809 г. была издана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами араб-

ского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии». Но это не букварь, в полном смысле этого слова. Текстов мало. В основном для чтения предлагались тексты религиозного характера и проповедовавшие основные принципы этики и морали. Например: «Кто бога боится и честно поступает, тот не страшится ничего. Уповать на бога и любить его всем сердцем должно. Государя своего почитай и повелениям его повинуйся»⁶. Учебники Сагита и Ибрагима Хальфиных были первыми печатными изданиями по ориенталистике не только в России, но и в Европе. «Арабская грамматика» Сильвестора де Соси была опубликована лишь в 1810 г.⁷ Это были оригинальные и грамотно составленные учебные пособия, но рассчитанные не для татарских детей.

Свой вклад в составление татарских букварей внес и Н.И. Ильминский. Его буквари предназначались для отдельно взятой группы татарского населения – крещеных татар. В начале XIX в. начался массовый переход татар-христиан в ислам. Церковь и правительство забили тревогу. Одной из причин считали языковую проблему. Священнослужители не смогли выучить местные языки. «Христианское просвещение» нерусских народов империи оказалось под угрозой⁸. Миссионер и педагог Н.И. Ильминский разработал особую систему обучения для инородческих школ на основе родного языка⁹. Кроме татар, другие народы не имели письменности, и она создавалась на основе русской графики. Кириллицу исполь-

зовали и для составления букваря крещеных татар. Первый букварь назывался «Княга» (1862), другие «Букварь для крещеных татар» (1871), «Язу урята торган княга» (1906)¹⁰. Н.И. Ильминский писал про свой первый букварь, что это учебник «со статьями христианского, вероучительного и молитвенного содержания»¹¹. Система Н.И. Ильминского, крещено-татарские школы сыграли важную роль в просвещении татар-христиан. Его буквари не получили распространения среди татар-мусульман. Но это одна из разновидностей татарского букваря. Именно этот алфавит был использован в конце 1930-х гг. большевиками для «новой» татарской письменности.

Первые «элифба» стали создаваться еще в Волжской Булгарии. Эти учебники использовались в Золотой Орде и Казанском ханстве. Известно о распространении среди населения во второй половине XVIII в. «элифбы» Муртазы Котлыгышева и Ишнияза бин Ширниязя в рукописном виде. Но как выглядели эти учебники, неизвестно. В печатном виде сохранились только буквари начала XIX в.¹² Первым изданием татарской типографии, открытой в 1800 г., также стала татарская азбука «Аттагоджи» («Чтение по слогам») с молитвами для чтения. Книга стала очень популярной и издавалась почти ежегодно, большими тиражами. В дальнейшем она чаще выходила под названием «Элифба иман шарты белэн» («Азбука с молитвами») и как «Шаритель иман» или «Иман шарты» («Условия веры»)¹³. Татарское население называло просто «Элифби» исходя из первых букв алфавита «элиф» и «би» или же «Элебби», «Элпи». На протяжении 125 лет (последнее издание вышло в 1928 г.) книга существенно не изменилась. Хотя почти в каждое издание вносились определенные изменения, в основном добавлялись новые молитвы. Автор учебника неизвестен¹⁴. Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Одни источники авторство приписывали Муртазе Котлыгышеву, другие Ишния-

зу Ширниязу¹⁵. Академик А. Каримуллин писал, что этот букварь с древнейших времен служил учебником в татарских мектебах и медресе. Это была первая книга, обучающая чтению и письму арабскими буквами¹⁶. Ш. Марджани появление этой книги связывал с периодом Волжской Булгарии¹⁷. Можно предположить, что Муртаза Котлыгышев или Ишнияз Ширнияз переработали сохранившийся и популярный среди населения учебник. Бесспорно одно, до 1890-х гг. это практически единственный букварь, по которому учились читать и писать широкие слои населения. Мусульманское духовенство придало ей статус «священной». Положительно отзывались об этом букваре и русские миссионеры. В 1894 г. Е. Малов перевел на русский язык. Он же в своей работе «Мухаммеданский букварь» (1894) сравнивал «Иман шарты» с русской схоластической азбукой «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания» (1634). Он призывал брать пример с татар, которые почти все обучались по одной книге, когда русские буквари менялись каждые 2–3 года. Достоинством «Иман шарты» он считал лаконичное содержание, состоящее из религиозных молитв. Этот учебник до 1917 г. использовался в кадимистских учебных заведениях¹⁸. Но в конце XIX в. религиозный букварь не удовлетворял передовую татарскую интеллигенцию.

Появление джадидских школ послужило толчком к созданию новых учебников и учебных пособий. Недостаток учебников был во всех учебных заведениях. В этот период правительство жестко контролировало учебный процесс в национальных школах. Например, медресе должны были иметь официальное разрешение на преподавание светских предметов¹⁹. Татарские учебные заведения могли быть только религиозными, по строгому предписанию властей. Даже после революции 1905–1907 гг. открывать татарские школы светского характера было запрещено категорически²⁰.

Все же определенные послабления и уступки в отношении национальной школы со стороны правительства были. Начался издательский «бум». На протяжении четверти века — с начала 1890-х гг. до 1917 г. — в Казани было опубликовано около 40 татарских букварей²¹. В начале XX в. Г. Ахмеров насчитал более 15 таких изданий разных авторов. Многие из них, по его мнению, не соответствовали педагогическим нормам и стандартам. В результате он написал работу, где подробно анализировал достоинства и недостатки наиболее распространенных 10 изданий²². Он считал, что только 3 или 4 учебника можно рекомендовать для школы. Именно хорошие учебники издавались только один раз, а «плохие» получили широкое распространение. Состоятельные горожане покупали эти книги и как «закят»²³ отдавали в медресе. Г. Ахмеров описывает распространенные «слухи» на Сенной площади о том, что многие такие учебники пишутся бедными шакирдами, затем выкупаются и печатаются под другой фамилией. Автор уверен, что написать букварь может только высокообразованный человек. Писать короткие, лаконичные и понятные для детей тексты задача непростая. Он подробно анализирует каждый букварь. Прежде всего, проводит лингвистический анализ. Многие учебники поразили его бессмысленным набором слов, фраз и отсутствием доступных, понятных для детей текстов²⁴.

Внедрение в национальных школах нового звукового метода обучения требовало и усовершенствование татарского букваря. О проблемах татарского языка и грамматики впервые заговорил К. Насыри²⁵. Сложная арабская графика без особых изменений использовалась почти тысячу лет. Арабских букв не хватало для обозначения всех букв татарского языка. Поэтому ученый разработал дополнительную систему знаков на основе арабской графики. Он в татарском языке выделяет десять гласных букв взамен трех арабских и т.д.²⁶ К. Насыри внес весомый вклад в раз-

витие татарского языка и литературы. Одним из первых доказал и обосновал необходимость татарского литературного языка и боролся за освобождение от влияния турецкого языка. Именно ему мы обязаны первыми исследованиями в области татарской лингвистики. По мнению Г.Ибрагимова, первым словосочетание «татарский язык» употребил К. Насыри²⁷.

В этот период в татарской литературе и языке не существовало общепринятого языкового стиля и орфографии. В основном татарская интеллектуальная элита конца XIX — начала XX вв. придерживалась общей принятой традиции и старалась писать на языке, который бы понимали ученые из различных тюркоязычных регионов России. Во многом литературный стиль задавал «Терджиман». Влияние его было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 г. «прогрессивные», «передовые» книги печатались на наречии, близком османскому²⁸. И. Гаспринскому удалось выработать особый стиль тюрко-татарского языка. А. Бенигсон писал, что за основу был взят упрощенный турецкий язык, освобожденный от заимствований из арабского и персидского языков²⁹. Газету критиковали за сложный и малопонятный язык. Ситуация изменилась после революции 1905 г. Прогрессивная часть татарской интеллигенции выдвинула идею создания самостоятельного татарского национального языка. Этот процесс отразился в эволюции татарского букваря. Во многих букварях термин «татарский язык» заменен термином «төрки тел» («тюркский язык»). Языковой стиль букварей самый разный. Но именно общетюркские корни способствовали популяризации татарского языка и татарских учебников. Например, букварь Х. Максуди «Мөгаллим әүвэл» («Первый учитель») использовался в школах многих тюркоязычных народов России³⁰. Даже в одном из иллюстрированных изданий «Мөгаллим әүвэл» под изображением мальчика и взрослого мужчины была надпись «баба рәсеме» («изображение

отца»). Но «баба» — это не татарское, а турецкое слово. И мужчина на рисунке больше похож на турка с феской на голове³¹. Следует отметить также вклад татарских учителей в Средней Азии в распространение джадидских школ³².

В изучении татарского языка в конце XIX в. были достигнуты определенные успехи. Принимались меры по усовершенствованию преподавания. Поэтому буквари этого периода построены с применением разных методов. Обложки букварей повествуют о двух распространенных методах — «ысуле мэддия» (в отличие от буквенно-слогательного метода используется слог полностью) и «ысуле саутия» (в основу обучения берется звук). Например, с использованием первого метода построена «Мөгаллим әүвәл» Х. Максуды, второго — «Төрки әлифба» Г. Ахмедова. Были сторонники комбинированного метода «мэдди — саутия ысулы»³³. Естественно, на структуру и содержание букварей оказали влияние работы Сагита и Ибрагима Хальфиных, И. Гаспринского, К. Насыри и др. В них отразился уровень науки, общественно-политической мысли, менталитет татарского общества конца XIX — начала XX вв.

Татарский национальный букварь этого периода представляет собой особый вид нарратива со своеобразной структурой, стилем изложения. Это учебник, специально разработанный для джадидских школ, обучающий детей чтению и письму на родном языке. Авторами букварей были люди, закончившие старометодные, религиозные учебные заведения, не имевшие высшего, светского образования. Они составляли интеллектуальную элиту татарского общества и были сторонниками модернизации национальной школы. Учебники показывают сложный процесс становления татарского букваря, развитие национальной педагогики, традиций семейного воспитания. Они рисуют одновременно реальный и желательный мир, в котором должно жить следующее поколение. Детский мир глазами взрослых. Авторы дают

свое видение, модель новой национальной школы. Роль и место ребенка в этой школе. Из букварей мы узнаем не только «мир детей», но и «мир взрослых». Тексты рассказывают о повседневной жизни, досуге татарского общества со своими праздниками и образом жизни.

По мусульманским канонам неделя начинается с субботы, а пятница должна быть выходным днем. Во многих букварях пятница указывается как выходной и праздничный день³⁴. «Инородцы» и «иноверцы» России имели право праздновать свои религиозные праздники и соблюдать религиозные обряды. Это было зафиксировано в «Своде законов Российской империи». Но официально российское законодательство не признавало их выходными днями. До 1917 г. татарское население пыталось решить этот вопрос, но безрезультатно³⁵. В «досуговом календаре» Российской империи не было праздников, объединяющих русских и татар. Эти два народа жили в одном городе, в одном государстве, но редко контактировали. Национально-религиозная политика правительства этому только способствовала. В букварях отсутствует тема Родины и патриотического воспитания. Трудно определить, когда среди татарского населения сформировалось понятие «общей, единой» Родины. И интересы России стали восприниматься как «свои», а не «чужие».

Дореволюционные школьные учебники показывают автономный, замкнутый мир татарского общества, где нет «чужих». В этом «мире» дети ходят в школу, а взрослые занимаются сельским хозяйством или торговлей. Особое внимание уделяется воспитанию подрастающего поколения по законам шариата. Почти все авторы описывают одинаковую модель поведения хорошего и плохого ребенка. Хороший ребенок — это послушный, прилежный, скромный мальчик. Играет он только в своем дворе, саду и только с шакирдами. Ему нельзя играть в школе, на улице с «уличными» мальчишками. Также противопоставлены шумные и оживленные игры. Как шакирд он должен вести

себя прилично «эдэпле». Шакирд – это особый статус в «детском мире». И он должен выделяться, прежде всего, своим поведением и образованием. Именно качественное образование считается основой счастливой и безбедной жизни. Например, Г. Баруди пишет: «Хороший ребенок читает книгу. Он воспитанный. Помогает родителям. Не говорит плохих слов. Здоровается со всеми. Если у него есть деньги, то зря не тратит. Или же покупает книгу. Хороший ребенок любит нищих. Жалеет и не убегает от них. Помогает им. Почитает ученых... Сынок, ты тоже постарайся быть хорошим. Пусть твои родители разбогатеют. Получи их благословение. И ты будешь счастлив и в этом, и потустороннем мире (ахирэт)»³⁶. В исламской культуре, по мнению ряда исследователей, царил культ знания, и мусульмане руководствовались классическими изречениями из Корана: «Поиск знания обязанность каждого мусульманина и мусульманки»; «Поиск знания от колыбели до могилы» и т.д.³⁷ Слово «ислам» означает повиновение Аллаху. Мусульманин обязан выполнять все «приказы» Всевышнего³⁸. Поэтому неудивительно, что уровень грамотности среди татарского населения был высок. Об этом факте часто писали в дореволюционный период К. Фукс, П. Знаменский и др.³⁹

В букварях четко прописаны основные критерии нравственного поведения. Поклонение и служение Всевышнему поставлено на первое место. Наравне с родителями ребенок должен почитать и учителя. Например, Ш. Тахири в своем букваре пишет: «Для нас дороже всех на свете дорогой отец, мать и наставник... Долг перед наставником превыше долга перед родителями, потому что именно учитель способствует становлению полноценной личности»⁴⁰. Учитель играл важную роль в жизни детей. Он не только организовывал учебный процесс, также решал вопросы, связанные с наказаниями. Мы узнаем, что помимо психологического, морального воздействия на «плохих» шакирдов существовали и другие меры. Это не те-

лесные наказания, хотя и этот вид наказаний в некоторых школах сохранялся. Об этом в своем стихотворении «Таз» с юмором писал Г. Тукай⁴¹. В букваре Х. Максуди в тексте «Слова шакирда» ученик сообщает о некоей темной комнате, куда запирали непослушных, прогулявших занятия детей⁴². Существовала ли реально такая практика, сказать сложно. Но в семейном быту телесные наказания и «темные комнаты», похоже, действительно были. Иначе они не появились бы на страницах букварей⁴³. Такая модель поведения взрослых в семье и школе не осуждалась, а укладывалась в морально-этические представления общества. Хотя Ш. Марджани, сам воспитанный в суровых условиях, впоследствии своим ученикам часто говорил: «Детей своих никогда не бейте! Особенно остерегайтесь бить по голове! Я в детстве натерпелся немало»⁴⁴. Скорее всего такие тексты в букварях печатали в воспитательных целях, а не как рекомендация для родителей и учителей.

Татарский букварь учил детей не только чтению и письму, но и основам математики, давал сведения об окружающем мире и основах мусульманской религии. Многие буквари состояли из двух частей: татарской и арабской. Казанские татары с уважением относились к арабскому языку. Сначала детей учили читать и писать на родном языке, а затем переходили к углубленному изучению арабской письменности, необходимой для чтения Корана. По такому принципу построены буквари Х. Максуди, Г. Баруди, Ш. Тахири и др. Скорее всего структура была заимствована из русских букварей. Одним из наиболее распространенных пособий конца XIX в. был учебник известного педагога Д. Тихомирова и Е. Тихомировой «Букварь для совместного обучения чтению и письму с картинками и статьями для первоначальных упражнений в объяснительном чтении для народных школ»⁴⁵. Авторы в качестве текстов давали фольклорный материал, стихи А.С. Пушкина, басни Крылова и др. Также для чтения предлагались рассказы о жизни Иисуса Христа и Бо-

ждей матери. В третьем разделе приводились церковнославянский алфавит, тексты из Священного писания и молитвы. А последний раздел посвящен «первоначальным упражнениям в счете»⁴⁶. Многие татарские буквари конца XIX – начала XX вв. построены по схожей структуре. Из этого учебника были заимствованы не только структура, но и некоторые тексты. Например, рассказы «Два козлика» о двух упрямых козлятах, «Собака и тень» из этого букваря⁴⁷ встречаются в учебнике Х. Забири в несколько иной интерпретации⁴⁸. Татарские авторы также много использовали материалы устного народного творчества, стихи популярных поэтов – Г. Тукая, М. Укмаси, Н. Думави, Дэрдмэнды (Дэрдмэнд)⁴⁹.

Татарский букварь этого периода внешне серый и неинтересный. Отсутствует визуальный ряд. Г. Ахмеров писал, что были и буквари с рисунками. Среди татарских педагогов шла оживленная дискуссия по данному вопросу. Одни считали, что рисунки помогают ребенку лучше усвоить учебный материал, другие, наоборот, думали, что изображения отвлекают внимание ребенка. А третьи не видели смысла изображать предметы, когда можно увидеть собственную модель. Но со временем появились буквари с рисунками А. Мустафы, Г. Алпарова, Ш. Тахири, Х. Максуди и др.⁵⁰ Не все иллюстрированные буквари сохранились. В учебниках Х. Максуди, Х. Забири, Г. Алпарова много общего в размещении иллюстраций. В основном визуальный ряд представлен черно-белыми изображениями отдельных предметов, животных. Сложные, композиционные рисунки отсутствуют. Изображения людей встречаются только в «элифбе» с рисунками Х. Максуди. Например, мужчина и женщина в национальной татарской одежде. Букварь с рисунком Х. Максуди – одно из многочисленных изданий «Мөггаллим әүвәл» («Первый учитель»)⁵¹. «Мөггаллим әүвәл» – один из распространенных букварей в татарских учебных заведениях до 1917 г.

С 1892 по 1918 г. выдержал 31 издание тиражом 1 млн. 200 тыс. экземпляров⁵². Библиотека Казанского университета имеет около десяти изданий разных лет. Среди них одинаковых почти нет. Сохранились два разных издания букваря Х. Забири (1907, 1908)⁵³. В 1913 г. свою работу опубликовал Г. Алпаров⁵⁴. В отличие от предыдущих авторов он изобразил и «новые» предметы школьного быта. Это ученическая парта и классная доска.

Выделялся среди татарских учебников и букварь И.Н. Харитонова «Бүләк» («Подарок», 1912). Он был красочным, ярким и необычным. На обложке написано «Харитон бабай. Балалар өчен беренче элифба» («Дедушка Харитон. Первый букварь для детей»). Именно в типографии И.Н. Харитонова были напечатаны многие татарские буквари. Он создавал новые образцы арабо-татарских шрифтов, впоследствии известные как «харитоновские»⁵⁵. Букварь составлен именно для обучения измененной арабской письменности. В учебнике текстов нет, есть только буквы и сопровождающие рисунки. На обложке мальчик и девочка за столом с интересом изучают иллюстрированную книгу, очень похожую на букварь «дедушки Харитона». У мальчика на голове тюбетейка. Девочка одета на европейский манер, с короткой стрижкой, только маленький кокетливый калфак на голове свидетельствует о ее национальности. Рядом со столом на полу котенок удивленно рассматривает игрушечного зайчика на колесиках. Это дети из состоятельной семьи. Впервые в татарском букваре встречаем изображение детей в домашней, непосредственной обстановке. Вещно-предметный мир этих детей «непривычный», «новый» и сильно отличается от привычного «мира» большинства татарских детей начала XX в. Букварь «дедушки Харитона» с яркими красками, красивой обложкой был действительно «подарком» для детей. Своей необычностью он привлек внимание Г. Тукая, который посвятил ему стихотворение

«Сабитның укырга өйрәнүе» («Сабит учится читать»)»⁵⁶. Трудно сказать, насколько востребованным был этот букварь в школах. Но среди букварей с рисунками он занимает особое место.

«Энциклопедией домашнего быта» называют букварь педагога и художника Ш. Тахири «Рәсемле әлифба» (1914). Он, как и И.Н. Харитонов, использовал сюжетные рисунки. Прорисовал мельчайшие детали. Например, в интерьере дома зажиточного горожанина можно было увидеть элементы декора, шамаили, ковры, стулья и т.д. Рисовал городские и сельские пейзажи⁵⁷. Ш. Тахири около 40 лет преподавал рисование, черчение и чистописание в КГУШ. Был первым художником татаринном, получившим разрешение на преподавание рисования от Императорской Академии художеств⁵⁸.

Иллюстрации изменили внешний вид татарских учебников. Внешний вид обычного букваря соответствовал основным канонам ислама. Религия запрещала изображение живых существ. Изображения и рисунки, кроме каллиграфических, отсутствовали почти во всех татарских печатных изданиях. Это была общепринятая, восточная традиция. Удивительно также, что рисунки людей и животных появились в букваре Х. Максуди, одного из будущих лидеров «Иттифак аль-муслимин» и автора работ по мусульманским догматам веры⁵⁹. В его учебниках много текстов религиозного характера.

В этом плане следует отметить и букварь «Сәвад хан» («Грамотный человек») Г. Баруди⁶⁰. Он не только известный религиозный деятель, но и один из идеологов джадидизма. В медресе «Мухаммадия», которое он сам основал и которым руководил, в 1891 г. вводит новометодную систему обучения⁶¹. В его учебнике вместе со светскими текстами размещены тексты с религиозным содержанием. В конце XIX в. исчезли со страниц многих букварей религиозные молитвы, но остались тексты с религиозной окраской. По традиции многие буквари начинаются со священных слов

для каждого мусульманина «Әгүүзү билләһи минәш — шәйтанирражим бисмилләһир — рәхмәһир — рахим» («Я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана. Во имя Аллаха милостивого и милосердного») или с сокращенного варианта «Бисмилләһир — рәхмәһир — рахим».

Г. Баруди рассказывает об основных канонах ислама, об обязанностях мусульман перед Всевышним и обществом. В учебнике Г.Ахмерова религиозных текстов нет. Только в одном месте упоминаются «мулла» и «мечеть». Но текст не имеет религиозной окраски⁶². В учебнике М. Курбангалеева неожиданно появляется предложение: «Әждән дару юк» («От смерти нет лекарства»)»⁶³. Таких «светских» букварей было мало.

Особо выделяются буквари Х. Максуди. Почти в каждом издании имеется текст об исламе, разъясняющий основные положения мусульманской религии. Но также есть тексты о конце света, о рае, об аде⁶⁴. Подробно описывает, как происходит воскрешение после смерти: «Однажды этот мир погибнет. Люди, животные и все живое умрет. Затем люди воскреснут. Этот день называется кыямәт (воскрешение после смерти). В этот день по воле Аллаха все выйдут из могил. Наступит судный день. Люди, совершившие хорошие поступки, попадут в рай. Пусть Аллах каждого из нас сотворит «святым» и хорошим...»⁶⁵. Такие высказывания не шокировали общество. Учение о смерти тоже входило в систему религиозного образования и воспитания детей. Ислам трудно было отделить или вычеркнуть из школьного обучения. Религия была не просто идеологией, а частью повседневной жизни и национальной культуры. В самый тяжелый период именно религия помогла казанским татарам сохраниться как этносу, а также сохранить язык и культуру.

«Әлифба» ценный источник не только по истории татарской литературы и лингвистики, но и по истории повседневности, истории детства. Особое внимание уделялось обучению и воспитанию детей. Веками сложившиеся

ся морально-этические нормы и общекультурные ценности нашли отражение и в текстах «элифбы». По своей структуре и содержанию буквари разные, но написаны в соответствии с последними педагогическими нормами. «Элифба» рассказывает и о европеизации процесса обучения не только в городах, но и в сельской местности. В тексте «Наша деревня» Х. Максуди маленький шакирд рассказывает о преимуществах новой системы обучения: «В нашей деревне уже год обучают по новому методу. Мы начали учиться полтора месяца назад. Раньше мы не знали ни одной буквы. Сейчас, хвала Аллаху, знаем все тюркские буквы. Умеем читать и писать. Раньше в нашей деревне толком никто не умел писать, кроме одного или двух богатых детей, окончивших медресе в городе. В нашей деревне все немного обучались грамоте. Но никто хорошо не умеет читать и писать...»⁶⁶.

В школах обучаются дети 7–8 лет⁶⁷. Из текстов видно, что дети сидят на скамейках, учитель (хэлфэ) сидит за столом и пишет мелом на доске. Уроки проходили по расписанию⁶⁸. Через каждый час была перемена⁶⁹. В число основных предметов обучения входило: чтение, письмо, математика и рисование⁷⁰. Трудовое воспитание детей в учебниках не на первом месте, на первом плане жизнь ребенка в семье и школе. Описан распорядок дня шакирда. Авторы букварей едины в одном, ребенок перед школой обязательно дол-

жен совершить утренний намаз и позавтракать. Соблюдать основные правила гигиены и приличного поведения в школе и дома⁷¹. После школы дети помогают родителям, затем играют и делают уроки. В свободное время читают книги⁷². Учебники формируют модель «образцовой» детской повседневности. Реальный мир был совсем другим. Не все дети могли ходить в школу и не все пили по утрам чай с сахаром и лепешкой⁷³. Но ребенку-шакирду именно такая модель поведения, по мнению авторов, гарантировала успех в учебе и в будущей взрослой жизни.

В этот период татарская «элифба» не была одним из элементов целенаправленной образовательной и воспитательной политики государства. Авторы преследовали только одну цель — научить детей читать и писать на родном языке. Особая заслуга джадидских школ — это введение обучения на татарском языке, взамен так называемого тюрки или арабского⁷⁴.

В конце XIX — начале XX вв. произошел переворот в системе школьного образования казанских татар. Новая «элифба» возникла под влиянием общественно-политических перемен, которые происходили в национальных регионах России. В этот период была разработана методика составления татарской «элифбы» и заложен фундамент для дальнейших исследований, которые были продолжены в годы советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. — Казань, 2007. — С. 44.

² Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. — С. 430–431.

³ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәгариф. — 1993. — № 3. — С. 35.

⁴ Хальфин С. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов сочиненная казанских гимназий учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная. — М., 1778. — 52 с.

⁵ Михайлова С.М. Ибрагим Хасанович Хальфин (1778–1829 гг.). — Казань, 2002. — С. 13.

⁶ Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии. — Казань, 1809. — С. 44. Провести сравнительно-сопоставительный анализ «Азбуки» деда и внука не удалось. Из-за технических причин недоступна «Азбука» С. Хальфина, которая была микрофильмирована. «Азбуку и этимологию татарского языка» И.Хальфина найти не удалось.

- ⁷ Михайлова С.М. Ибрагим Хасанович Хальфин (1778–1829 гг.). – Казань, 2002. – С. 13.
- ⁸ Ильминский И.Н. Сборник статей. По поводу 25-летия со дня кончины (27 декабря 1891 года). Вып. 4. – Казань, 1916. – С. 19, 21.
- ⁹ Там же. – С. 83.
- ¹⁰ Сабирзянов Г.С. Букварь // Татарская энциклопедия. Т. 1. – Казань, 2002. – С. 480.
- ¹¹ Ильминский И.Н. Сборник статей. По поводу 25-летия со дня кончины (27 декабря 1891 года). Вып. 4. – Казань, 1916. – С. 106. К сожалению, буквари найти не удалось.
- ¹² Там же. – С. 478.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ибраһимов Ф.И. Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 30.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәғриф. – 1993. – № 9. – С. 38. Иман (араб. – вера), вера в истинность ислама. «Иман шарты» – сборник молитв, выражающих веру в Аллаха.
- ¹⁷ Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 54.
- ¹⁸ Ибраһимов Ф. Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 32 – 33.
- ¹⁹ Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003. – С. 36.
- ²⁰ Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәғриф. – 1992. – № 8. – С. 38.
- ²¹ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 274. К сожалению, не все буквари сохранились.
- ²² Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. – 64 б.
- ²³ Закят (араб.) налог, предписываемый шариатом и собираемый на нужды мусульманской общины. Татары часто употребляли термин «садака».
- ²⁴ Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. – 64 б.
- ²⁵ Курбатов Х. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1960. – Б. 30, 36.
- ²⁶ Насыри К. Энмюзәдж. – Казань, 1975. – С. 3.
- ²⁷ Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань, 1977. – С. 8.
- ²⁸ Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Эхо веков. – 1997. – № 3–4. – С. 211.
- ²⁹ Бенигсон А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспарлы) и происхождение джадидского движения в России // Россия и Восток. – Казань, 1993. – 88.
- ³⁰ Сабирзянов Г.С. Букварь // Татарская энциклопедия. Т. 1. – Казань, 2002. – С. 480.
- ³¹ Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1914. – Б. 2.
- ³² Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 27.
- ³³ Ибраһимов Г. Татар телен ничек укытырга? // Милләт, тел, әдәбият. – Казан, 2007. – Б. 118.
- ³⁴ Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 30 – 31; Зәбири Х. Рәсемле әлифба. – Казан, 1906. – Б. 42 и др.
- ³⁵ Малышева С.Ю. Ежедневные праздники, дни господские и «царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. – 2009. – № 2. – С. 237, 243.
- ³⁶ Баруди Г. Сәвад хан. – Казан, 1897. – Б. 12.
- ³⁷ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 275.
- ³⁸ Фазлыев Дж. Основы исламской культуры. – Казань, 2009. – С. 15.
- ³⁹ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 275.
- ⁴⁰ Таһири Ш. Мөкәмәл әлифба. – Казан, 1910. – Б. 59 – 60.
- ⁴¹ Тукай Г. Шигырьләр, әкиятләр, поэмалар. – Казан, 1990. – Б. 223.
- ⁴² Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 45.
- ⁴³ Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 26.
- ⁴⁴ Юсупов М. Шигабутдин Марджани. – Казань, 2005. – Б. 23–24.

⁴⁵ *Аверьянова Л.Н.* Обзор коллекций букварей из Фонда редкой книги ГНПБ им. К.Д. Ушинского (XVIII – XIX) // Ребенок XVIII – XX веков в мире слов. История русского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии. – М. – Тверь, 2009. – С. 29. Первое издание вышло в 1873 году. Учебник переиздавался неоднократно. К 1912 году было опубликовано 3516000 экземпляров.

⁴⁶ Там же. – С.30.

⁴⁷ *Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н.* Букварь для совместного чтения, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ. – М., 1912. – С. 32, 3.

⁴⁸ *Зэбири Х.* Рәсемле әлифба. – Казан, 1907. – Б. 40.

⁴⁹ *Алтаров Г.* Татар әлифбасы. – Казан, 1913. – 52 б. и др.

⁵⁰ *Ибрагимов Ф.* Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51.

⁵¹ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, е. ю., 47 б.

⁵² *Вәлиуллин Р.* Татар мәктәп-мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 115.

⁵³ *Зэбири Х.* Рәсемле әлифба. – Казан, 1907. – 50 б.; Рәсемле әлифба. – Казан, 1908. – 48 б.

⁵⁴ *Алтаров Г.* Татар әлифбасы. – Казан, 1913. – 52 б.

⁵⁵ Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 628.

⁵⁶ *Ибрагимов Ф.* Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51.

⁵⁷ Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник. – Казань, 2008. – С.5. Букварь с рисунками найти не удалось.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Татарский энциклопедический словарь. – Казан, 1999. – С.336.

⁶⁰ *Баруди Г.* Сәвад хан. – Казан, 1891. 24 б. В библиотеке Казанского университета сохранилось 8 изданий разных лет.

⁶¹ Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С.63.

⁶² *Әхмәров Г.* Төрки әлифба. – Казан, 1918. – Б. 47.

⁶³ *Корбангалиев М.* Татар әлифбасы. – Казан, 1912. – Б. 31.

⁶⁴ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1898. – 64 б.; Мөгәллим әүвәл. – Казан, е. ю. – 47 б. и др.

⁶⁵ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 56.

⁶⁶ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 47–48.

⁶⁷ Там же. – Б. 47.

⁶⁸ Там же. – С.44.

⁶⁹ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 48.

⁷⁰ *Корбангалиев М.* Татар әлифбасы. – Казан, 1912. – Б. 31.

⁷¹ *Мөслимов Г.* Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 22 – 23; *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 44 и др.

⁷² *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 46.

⁷³ *Мөслимов Г.* Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 46.

⁷⁴ *Давлетишин Т.* Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. – Казань, 2005. – С. 64.

Аннотация

В статье татарский букварь конца XIX – начала XX вв. рассматривается как феномен национальной культуры и носитель коллективной исторической памяти. «Әлифба» анализируется как важный источник по истории татарского народа. Также анализируются не только вербальные тексты, но и визуальный ряд букварей как отражение общественно-политических и социокультурных процессов, происходивших в России и в Казанской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: национальный букварь, джадидизм, история, культура, нарратив.

Annotation

An article is devoted to the Tatar national primer «Alifba» at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. This primer is analyzed as a phenomenon of national culture and collective historical memory and as an important historical source for the national Tatar history also. Verbal and visual texts are studied in order to explore social, political and cultural processes which took place at this period in Russia and Kazan province as well.

Key words: National primer, jadidism, history, culture, narrative.